

Благодаря фрагментам Изначального духа Му Цинли и его собственному вмешательству в ход событий, его наставник Му Цинли должен был после убийства ученика обрести просветление, отринуть мирскую суету, перестать испытывать чувства к кому бы то ни было, стать сильнейшим мастером меча в том мире и успешно вознестись.

Однако что-то пошло не так, и наставник в итоге разделил с ним судьбу, покончив с собой?

Уровень выполнения задания достиг максимума еще до того, как Му Цинли завершил затворничество. Фрагменты духа удалось собрать, но, возможно, из-за нечистой совести его не покидала тревога.

— Если ты беспокоишься, А Ли, может, мне приставить к тебе несколько стражников для охраны? — спустя долгое время тихо спросил Е Фанчэн, глядя на человека, который молча наблюдал за ним с кровати.

Надеюсь, больше никаких неожиданностей не будет.

Му Цинли слышал мысли ученика, но не стал отвечать. Он лишь слегка разжал плотно сжатые губы и спросил в ответ:

— Брат Фанчэн, что произошло с моим телом?

Атмосфера в комнате, только было начавшая разряжаться, вновь стала напряженной.

Собравшись с духом, Е Фанчэн с виноватым видом посмотрел на него:

— Прости, прошлой ночью я перебрал вина и нечаянно...

Хотя он не договорил, оба прекрасно понимали, что это значит.

Му Цинли подыграл ему, изобразив легкую растерянность, и промолчал. Е Фанчэн поднялся, подошел к кровати и с истинно джентльменской учтивостью поправил одеяло, прикрывая тело, покрытое двусмысленными следами. Затем он сел рядом, притянул его к себе и нежно произнес:

— Не бойся, я обязательно возьму на себя ответственность.

— Правда? — тихо спросил Му Цинли.

Е Фанчэн склонил голову и ласково поцеловал его в макушку:

— Истиннее не бывает.

Лжец.

Холодно подумал про себя Му Цинли.

Он поднял взгляд на Е Фанчэна. Тот смотрел на него с такой же сосредоточенностью и, встретившись с ним глазами, тепло улыбнулся.

Обладая столь изысканной внешностью, Му Цинли не мог отрицать, что эта улыбка невольно затронула струны его души. Если бы он не питал к нему искренней привязанности, он бы ни за что не согласился быть с этим младшим учеником.

Сердце Му Цинли вновь неприятно кольнуло. Пытаясь отвлечься, он вспомнил, как вчера Е Фанчэн твердо и решительно обещал не прикасаться к нему:

— Брат Фанчэн, мне нехорошо.

Е Фанчэн ничуть не смутился, произнося ложь:

— Прошлой ночью я был слишком неаккуратен, должно быть, причинил тебе боль.

С этими словами он достал с прикроватной тумбочки мазь:

— А Ли, давай сначала нанесем лекарство.

Му Цинли казалось нелепым, что ему приходится мазаться лекарством от ран, которых он не получал.

Внешне он остался невозмутим:

— Брат Фанчэн, поможешь мне?

Тело человека, обнимавшего его, на мгновение напряглось.

— Это... пожалуй, будет не совсем удобно...

Му Цинли снова слегка приподнял взгляд, и в его живых глазах промелькнула обида. Даже его спокойный, чистый голос прозвучал беспомощно и жалко:

— Брат Фанчэн, ты брезгуешь мной и поэтому не хочешь прикасаться?

— Нет, не выдумывай, — на лице Е Фанчэна отразилось замешательство.

Он еще не взошел официально на трон, а значит, ему нельзя было злить Му Цинли и ссориться с кланом Му.

— Спина... там, сзади, я не могу достать, — снова тихо промолвил Му Цинли.

В итоге Му Цинли послушно лежал на животе, а Е Фанчэн с таким серьезным видом держал баночку с мазью, будто собирался на поле битвы.

Одеяло скрывало нижнюю часть тела Му Цинли, обнажая лишь гладкую спину. Его кожа была очень светлой, поэтому синяки разных оттенков выглядели особенно пугающе.

Когда кончики пальцев Е Фанчэна, смазанные мазью, коснулись нежной кожи спины, его рука невольно дрогнула. Мазь постепенно впитывалась, а человек, которого он касался, на мгновение замирал.

Е Фанчэн решил, что Му Цинли слишком больно, и подсознательно стал действовать осторожнее.

Му Цинли украдкой сжал простыни, прикусив нижнюю губу.

Что это за чувствительное и никчемное тело? Даже от простого нанесения мази такие отчетливые ощущения?

Он хотел воспользоваться случаем, чтобы проучить Е Фанчэна, но, кажется, сам вырыл себе яму.

В комнате воцарилась тишина. Даже мысли Е Фанчэна затихли, лишь тонкий детский голосок внезапно воскликнул: Что вы делаете? Почему мое зрение внезапно стало абсолютно пустым?!

Е Фанчэн не ответил.

Когда мазь была нанесена на все раны, пальцы Е Фанчэна сами собой добрались до поясничной ямки, а чуть ниже было...

Он резко остановился.

Спустя некоторое время Му Цинли услышал два голоса, звучавших с едва заметной разницей:

— Нельзя.

Действительно нельзя.

Е Фанчэн поставил закрытую баночку с мазью в изголовье кровати, его дыхание стало едва уловимо тяжелее:

— Готово. С остальным справишься сам?

Му Цинли повернул голову и в упор посмотрел на него.

Е Фанчэн глядел на это до боли знакомое, до удушья прекрасное лицо и, набравшись решимости, сказал:

— А Ли, я только прошлой ночью взял тебя, не хочу снова причинять тебе боль.

Му Цинли: «...»

Хотя, если уж на то пошло, боль ему причинил тот самый детский голосок.

Глядя на выражение лица Е Фанчэна, которое стало настолько неестественно жестким, что он перестал быть похож на себя, Му Цинли решил временно его пощадить:

— Хорошо.

— Я выйду, а ты, как будешь готов, приходи к столу, поедим вместе.

Бросив эти слова, Е Фанчэн широкими шагами покинул комнату, так быстро, словно за ним гнались черти.

В этот момент Му Цинли неожиданно ощутил в своем никчемном ученике крупницу чистоты, которой там быть не должно.

Его оставили, чтобы он пообедал вместе с Е Фанчэном.

Он случайно услышал еще больше шокирующих новостей.

— Мне жаль Е Фанцзина, он принял на себя такой ужасный удар.

Тебе следовало бы спросить мировое сознание, создавшее этот мир и эту череду событий, о чем оно думало, — холодно отозвался Е Фанчэн.

Му Цинли невозмутимо ел, хотя внутри него бушевала буря.

Значит, Е Фанцзин действительно был оклеветан.

— Справедливости ради, Е Фанцзин куда лучше тебя, подонка. По сюжету, даже перед тем, как его убили, он думал о главном герое...

Он правда умрет?

— Да, вскоре после того, как покинет дворец. Смерть Е Фанцзина — ключевой сюжетный момент. Именно из-за этого события, когда позже клан Му падет, его отец умрет от гнева, вызванного тобой, а правда о Е Фанцзине вскроется, Му Цинли обретет истинное просветление.

— Не из-за меня, а из-за Е Фанчэна, — серьезно поправил мужчина.

— А разве ты сейчас не тот самый подонок Е Фанчэн...

Стук палочек, упавших на пол, прервал внутренний диалог Е Фанчэна и детского голоса.

— Прости, рука соскользнула, — тихо сказал Му Цинли. Он хотел наклониться, чтобы поднять палочки, но Е Фанчэн остановил его.

Е Фанчэн, кажется, что-то не так понял, и в его взгляде читалось сложное раскаяние:

— Ничего, пусть слуги уберут, я велю принести тебе новую пару.

Му Цинли поблагодарил его, но на душе было беспокойно.

После завтрака Е Фанчэн снова осыпал его ласковыми словами, убеждаясь, что тот больше не чувствует себя потерянным из-за событий прошлой ночи, и лишь тогда отпустил.

— А Ли?

Когда Му Цинли подошел к карете, его окликнул незнакомый голос.

Это был Е Фанцзин.

Му Цинли с удивлением посмотрел на мужчину, неспешно приближавшегося к нему.

Черты лица Е Фанцзина были правильными, в выражении бровей читалось достоинство — он не был похож на того, кто ведет себя недостойно. Только вот на нем не было привычного бледно-желтого халата, а длинные волосы, обычно строго собранные, были лишь наполовину прихвачены лентой.

Это сделало его ближе.

— Брат наследный принц, — Му Цинли вежливо поклонился, но Е Фанцзин протянул руку, чтобы его придержать.

— Не нужно, я больше не наследный принц Восточного дворца, — сказал Е Фанцзин.

Только тогда Му Цинли заметил неподалеку другую, более роскошную карету, возле которой слуги укладывали вещи, будто кто-то собрался в путь.

— Ты уезжаешь из дворца?

Он вспомнил разговор Е Фанчэна с детским голоском, и его брови невольно сошлись на переносице.

Е Фанцзин слегка кивнул:

— Думаю, ты уже знаешь о некоторых вещах.

— Отец-император очень разочарован во мне. Хотя он не разжаловал меня в простолюдины, он приказал мне временно покинуть столицу.

Му Цинли замер и спросил:

— И что ты планируешь делать?

Он смотрел в глаза Е Фанцзина, внезапно заинтересовавшись тем, что у того на душе.

— Еще не решил. Наверное, сначала вернусь к семье матери, дед скучает по мне, — ответил Е Фанцзин.

А Ли наверняка тоже считает меня таким же ужасным человеком, как говорят в слухах.

В отличие от легкого тона, Му Цинли услышал в мыслях Е Фанцзина жалость и одиночество.

Му Цинли сохранил немало воспоминаний о том, как они общались с Е Фанцзином в прошлом. Для него этот человек тоже был другом.

— Я верю тебе, — внезапно сказал Му Цинли.

Е Фанцзин поначалу не понял смысла этих слов.

Му Цинли повторил серьезно:

— То, о чем говорил Его Высочество... я верю, что ты не такой человек.

Е Фанцзин был удивлен.

Раньше они были в хороших отношениях, но после того, как Му Цинли стал ближе к Е Фанчэну, их общение сошло на нет. Он не винил Му Цинли: борьба за доверие людей — это честная конкуренция.

Он просто проиграл Е Фанчэну.

Он никак не ожидал, что Му Цинли, который всегда следовал за Е Фанчэном и считал его мнение единственно верным, решит поверить ему именно сейчас.

Е Фанцзин, конечно, счел это невозможным, но все же искренне улыбнулся Му Цинли:

— Спасибо, А Ли.

Неизвестно, показалось ли ему, но он почувствовал, что Му Цинли, стоящий перед ним

сегодня, чем-то отличается от прежнего.

Словно за одну ночь его сущность изменилась: он перестал быть наивным и простым. Напротив, когда его глаза смотрели на него, в них читалась глубина человека, познавшего жизнь.

Этого достаточно.

Му Цинли задумался, и в его голове созрел новый план.

— Е Фанцзин, если не возражаешь, может, после того как наведишь старого маркиза, остановишься в моей усадьбе в южном пригороде?

На самом деле, чтобы обрести просветление, вовсе не обязательно, чтобы кто-то умирал.

Ведь он уже все понял в прошлой жизни, когда его предал ученик.

Осенью того же года старый император скончался.

Подобно пожелтевшему листу платана, падающему на землю, его жизнь оборвалась в это прекрасное, но печальное время года.

Месяц спустя Е Фанчэн завершил церемонию восхождения на престол и официально стал новым императором.

Вскоре после того, как Е Фанчэн взошел на трон, наступил праздник Середины осени.

В поместье Му царило оживление. Слуги радовались даже больше, чем Му Цинли и Му Цюаньсун: весь двор был увешан фонариками.

Служанки, такие же добрые, как и его сестра, развесили во дворе у его комнаты множество фонариков в форме кроликов. Когда Му Цинли спросил об этом, они с умилением ответили:

— Молодой господин, вы в детстве их так любили! Каждый год просили заставить весь двор кроликами, неужели забыли?

Му Цинли подумал, что он бы как раз хотел это забыть.

Из главных членов клана Му остались только он и его отец Му Цюаньсун. Мать жила только в его воспоминаниях; она всегда была слаба здоровьем и скончалась, когда он был еще ребенком.

Он пролистал воспоминания: это была очень мягкая и нежная женщина.

— Его Величество...

После ужина он прогуливался с Му Цюаньсуном по двору. Отец смотрел на него, желая что-то сказать, но медлил.

Му Цюаньсун чувствовал, что его сын в последнее время стал каким-то странным. Все выглядело как обычно, но ему казалось, что сын стал гораздо рассудительнее, тише и теперь его сложнее понять.

— Все хорошо, — ответил Му Цинли.

Е Фанчэн всегда был к нему внимателен.

Однако он все же напомнил отцу:

— Но отец, быть рядом с императором — все равно что находиться рядом с тигром. Нам следует быть осторожнее во всем.

Му Цинли намекнул:

— Раз клан Му помог ему взойти на трон, как только он укрепит свою власть, он неизбежно начнет нас опасаться. Хотя сейчас мы близки с Его Величеством, я думаю, нам не помешает подготовить путь к отступлению. Как считаешь, отец?

Му Цюаньсун был поражен, но ответил:

— Я тоже так думаю.

Отец и сын переглянулись и улыбнулись.

Внешность Му Цюаньсуна была чем-то похожа на его отца-главу секты в мире совершенствования, что вызывало у него теплоту.

— Молодой господин!

Когда они наслаждались луной, к ним подбежала служанка с радостным лицом:

— Прибыли люди из дворца, ждут у ворот. Кажется, Его Величество приглашает вас во дворец.

Маленький ученик?

Му Цинли был немного ошеломлен.

Е Фанчэн был очень занят в этом месяце, и они не виделись уже долгое время.

Он почувствовал, что его сердце успокоилось. По крайней мере, сейчас при встрече ему не хотелось его убить. Е Фанчэн должен быть в безопасности.

С тех пор как Му Цинли попал в этот мир, он уже не раз бывал во дворце и знал дорогу.

Однако в этот раз верный страж, сопровождавший его, повел его не привычным путем.

— Куда мы идем? — осторожность, выработанная годами скитаний в мире совершенствования, заставила его насторожиться.

Страж загадочно улыбнулся:

— Просто следуйте за мной, молодой господин.

Дорога становилась все более глухой, и вскоре они почти вышли за пределы дворца, в дикую местность.

Страж, который вел его, внезапно исчез, а из-за спины Му Цинли появилась знакомая фигура.

Его обняли, и чья-то теплая ладонь закрыла ему глаза.

— Не бойся, это я, — раздался за спиной мягкий голос Е Фанчэна.

Му Цинли напрягся, но не стал сопротивляться.

На самом деле, он не привык к такой близости с Е Фанчэном.

В прошлой жизни он вел слишком аскетичный образ жизни, и ученик всегда относился к нему с почтением. Даже когда они стали даосскими спутниками, таких моментов было крайне мало.

— Закрой глаза, я хочу кое-что тебе показать, — сказал Е Фанчэн. Убедившись, что Му Цинли закрыл глаза, он убрал руку, нежно взял его за руку и терпеливо повел вперед.

Даже с закрытыми глазами Му Цинли шел уверенно.

Что задумал этот младший ученик?

Они шли довольно долго, пока Е Фанчэн не остановился.

— Готово, открывай.

Перед взором Му Цинли предстал пруд, украшенный бесчисленными фонариками в форме лотосов. Разноцветные огни мерцали на воде, отражаясь в ночной тьме, и зрелище было таким прекрасным, будто звездное небо упало в озеро.

Его глаза мгновенно покраснели.

Не от умиления, а потому что в прошлой жизни ученик делал то же самое.

Когда он впервые прорвался на стадию трансформации божества, ученик тайно, скрывая это от него, наполнил озеро на Бессмертном пике фонариками-лотосами, чтобы встретить его возвращение.

Тогда Му Цинли действительно был тронут и счастлив.

Но сейчас, хотя ему всегда нравились подобные вещи, все прекрасные воспоминания прошлого превратились в ложь и обман, ранящие его.

— Нравится? — с тихим смешком спросил Е Фанчэн. — Я сделал их своими руками, не смей говорить, что не нравится.

Ученик тогда сказал то же самое, и он поверил.

В этой жизни Му Цинли очень хотел бы поверить, но даже не прибегая к чтению мыслей, он знал, что это ложь.

— Ты принц... нет, теперь уже император, и умеешь делать такую черную работу? — холодно спросил Му Цинли.

Е Фанчэн не уловил скрытой иронии и ответил серьезно:

— Другая грубая работа мне не дается, но в этом я мастер.

Эти слова были правдой.

Потому что был один человек, который почему-то очень любил эти пестрые безделушки.

Мало того, что он любил их сам, он еще заставлял его помогать, а потом, когда он не видел, нарочно заполнял ими его бессмертный пруд. Тот человек был доволен, а убирать все это приходилось ему.

На самом деле, он считал это утомительным и не любил заниматься подобной ерундой.

Но почему-то после того, как тот человек исчез, он каждый год в этот день в одиночестве усыпал пруд собственноручно сделанными лотосами, а на следующий день молча вылавливал их.

Притворяясь, что человек, который вечно спорил с ним и злил его, все еще здесь.

Притворяясь, что его Изначальный дух... еще не разрушен.

Му Цинли, к счастью, не услышал этих слов.

Поняв, что чтение мыслей других людей утомляет и приводит к психическому истощению, он старался реже использовать эту способность, планируя сначала восстановить силы.

Он читал мысли в основном у Е Фанчэна, но тот в последнее время вел себя безупречно, постоянно стараясь ему понравиться, и его мысли были на удивление спокойны. Поэтому, пока отношение Е Фанчэна к нему не изменилось, он не собирался лезть ему в душу.

Боль, мелькнувшая в глазах Е Фанчэна, с легким вздохом растворилась в ряби пруда.

Му Цинли подошел к краю пруда, наклонился и выловил ближайший розовый лотос.

Он долго смотрел на него с тоской, а затем внезапно перевернул его.

Огонек на фитиле погас, коснувшись воды. Му Цинли выпрямился и сказал спокойным тоном:

— Больше никогда этого не делай.

— Мне не нравится.

Атмосфера, которая должна была быть теплой и трогательной, внезапно остыла. Е Фанчэн смотрел на спину Му Цинли с недоумением и растерянностью.

— Хорошо, — быстро опомнился Е Фанчэн, — я больше не буду.

Сказав это, он слегка сжал руки, пряча в широких рукавах пальцы, стертые в кровь от изготовления фонариков.

Лотосы, которые должны были завоевать расположение Му Цинли, стали неловким напоминанием о провале. К счастью, у Е Фанчэна хватило выдержки, он быстро подавил смятение и, улыбнувшись так, будто ничего не произошло, спросил:

— Ты уже поел? Сегодня праздник Середины осени, я приготовил для тебя много вкусного, и лунные пряники тоже.

<http://bllate.org/book/22175/2310351>